

Отец
Евгений
и его чада

Лидка-макияж

Отец Евгений — бывший мент. Его в том городке так раньше и называли — Женька-мент. А до этого был он Женькой-хулиганом. Такая у него богатая биография.

Из милиции он ушел, по его собственным словам, потому что «надоело закон нарушать».

— У нас ведь в городе как было... Если со своего участка дань не берешь и наверх начальству не даешь — долго не выдержишься. А как я нищих бабушек-торгашек обирать буду? Лучше бы хулиганом остался — все честнее.

* * *

Но это давно было... Уже много лет он священник. И очень необычный священник. Вокруг отца Евгения постоянно роятся какие-то асоциальные типы — наркоманы, бывшие (а иногда и действующие) уголовники, бродяги, гулящие девицы. Местные жители даже иногда посмеиваются, что все клиенты «ментовского обезьянника» плавно перетекли за батюшкой в храм. И чем сложнее «клиент», тем ярче его пастырская сущность. Он их спасает, воцерковляет, помогает, устраивает на работу, дает деньги, кормит-поит. Дома у него постоянно кто-то ночует. Я пыталась жалеть его матушку, но она под стать своему мужу.

Эти асоциальные типы отца Евгения периодически «кидают», деньги пропивают, от работы отлынивают, потом возвращаются с повинной. А он и рад (странный человек!):

— Христос не к здоровым пришел, а к больным. Вот и надо человеку душу вылечить.

И все начинается сначала.

И глядь, через какое-то время бывший вор-рецидивист уже метет у батюшки церковный двор и ведет с прихожанами душеспасительные беседы. А бывшая блудница печет в трапезной пироги. И теперь она — многодетная мать. Не узнать...

Сколько же удивительных историй я от него слышала! К каким невероятным судьбам посчастливилось мне прикоснуться на его приходе! Со сколькими его прихожанами он меня познакомил, и мы до сих пор дружим. А все они как на подбор. Больше нигде таких, наверное, и не встретишь.

Иногда мне кажется, что Господь специально ведет к отцу Евгению всех этих людей. Потому что сердце у него чистое и душа открыта. Душа эта чувствует чужую боль. И видит то, что от других сокрыто. В каждом, самом опустившемся человеке видит он образ Божий и подобие Его. И идут к нему несчастные, покалеченные жизнью люди, никому не нужные, всеми презираемые. И отогреваются. И становятся настоящими.

Идут и счастливые. Потому что не только пожалеть, но и радость разделить умеет отец Евгений. А это иногда сложнее, чем посочувствовать, — стать счастливым, потому что счастлив другой человек.

* * *

Когда-то давно появилась у него в храме Лида. «Лидка-макияж» скоро прозвали ее приходские шутники. Она была очень странная. Я ее видела всего два или три раза, но она очень запомнилась мне своей непривлекательностью.

Немолодая, несимпатичная и как будто бы грубо и впопыхах «слепленная». Все в ней было тяжелым и на вид — случайным. Маленькие бесцветные глаза совсем не подходили к выпуклому лбу. А маленький нос — к толстым губам и массивному подбородку. Грубые мужские руки. Короткие ноги... Она была очень ярко и очень безвкусно покрашена. И так же ужасно одета. Громкая и вульгарная. Казалось, она специально привлекает к себе нездоровое, а у некоторых — презрительное внимание. Даже в храме.

Тогда был какой-то праздник, и в трапезной были накрыты столы для прихожан и гостей. Сидела с нами и Лидка. Она много и залихватски пила — там были вино и коньяк. И почти не ела. Неприятно кокетничала, пошло шутила и сама себе смеялась.

Многие, и я в том числе, недоуменно на все это смотрели. А отец Евгений как будто не замечал, что не к месту здесь эта странная женщина. У меня в голове именно так и вертелось: «Не к месту!» И хотелось отвернуться.

Батюшка ласково с ней говорил и даже ухаживал — положил что-то в тарелку, спросил, как ей здесь. Улыбался глупым шуткам и старался перевести тему, сгладив неловкость. И даже сделал какой-то комплимент. Меня поразило тогда, что он вел себя с ней как с дорогой гостьей.

— Кто это? — спросила я отца Евгения.

— Я расскажу...

* * *

Лиду отец Евгений знает давно, со времен своего милицкого прошлого. Она была спекулянткой. Купи-продай. Тогда это бизнесом еще не называлось. И у нее очень неплохо получалось. И была она женой Ваньки — завсегдатая «обезьянника». Там ее будущий батюшка и видел, когда она приходила мужа вызволять.

Была Лида хваткой, острой на язык. Красотой и тогда не отличалась, но привлекала к себе разухабистостью,

невероятным обаянием, юмором, бьющей через край любовью к жизни. И легкостью, с которой она по этой жизни шагала. Этим она и понравилась Ивану. Да так понравилась, что он на ней женился.

Бандитом он не был, но подраться любил. И выкинуть что-нибудь эдакое. Обладал Иван силой богатырской, и не зная, куда ее применить, то скамейку с корнями во дворе вырвет, то дверь в подъезде в шутку с петель снимет. Ну или кулаками махал. И любил легкость и веселье, как и Лида. И на гармошке играл — заслушаешься.

Жили они хорошо. Не без скандалов, конечно, у кого их не бывает. Были хлебосольными. Дома у них постоянно собирались гости, плясали, пели, расслаблялись. Всем нравилась радостная и ненапряжная атмосфера этого дома. И все говорили, что за таким силачом, как Ванька, Лидка-спекулянтша как за каменной стеной.

А потом Лида забеременела. Ждали ребенка тоже легко и радостно, как и жили. И под гармошку провожал Иван жену в роддом. И так же собирался встречать.

* * *

Но Лиду Иван не встретил. Ее никто не встретил. Что-то пошло не так. Подробностей отец Евгений не рассказывал. Знаю только, что рожала Лида долго и мучительно. Выдавливали ребенка, тянули. Потом долго лежал сын в реанимации на грани жизни и смерти. Но не умер.

— Может, хуже, что выжил, — сказала Лиде старенькая уборщица. — Всю жизнь теперь тебе мучиться с калекой.

Иван мучиться не захотел. Когда Лида с сыном еще были в больнице, узнав обо всем, пил он несколько дней беспробудно и крушил все вокруг. Так и попал опять в милицию.

— Кричал, что сын у него больной, — рассказывал отец Евгений, тогда еще Женька-мент. — А я сам молодой был. Не знал, что и сказать... Потом выпустили его...

И пропал Иван из города. И из Лидиной с сыном жизни. Не захотел пускать в свою «легкость бытия» больного ребенка. Даже гармошку не прихватил. Так и осталась она валяться на полу. Впопыхах собирался, как вор. Вот и вся сила богатырская.

Вернулась Лида из роддома в свой дом. Положила Петьку (так сына назвала) в давно еще заботливо купленную кроватку. Осмотрелась. Подошла она к окну — за ним все было, как раньше. Спешили куда-то люди, пели птицы, бегали и смеялись дети. А в кроватке лежал сын, который никогда не сядет, не встанет и не побежит.

Захлопнула Лида окно. И захлопнула свое сердце от этого чужого счастливого мира. Теперь ее мир — эта комната. Где недавно еще было легко и ненапряжно. Где пели песни, пили и плясали. А теперь холодом дышали стены и тоннами давил потолок. Ее тюрьма.

* * *

В первые годы еще было терпимо. Петя просто лежал в своей кроватке и редко плакал. Конечно, с ним было сложнее,

чем с обычными детьми. (Но Лида других детей и не знала.) Он часто болел, и они нередко бывали в больнице. Он был худым и невесомым. И она без труда вывозила на улицу коляску и много гуляла с сыном.

Но это физически. А вот душа... Сначала душа ее на что-то надеялась. Лида пыталась заниматься с Петькой, но скоро стало ясно, что все это бессмысленно. Сын будет лежачим и никогда не скажет ей: «Мама».

Заходили иногда подружки из «прошлой» жизни. А потом перестали — теперь они друг друга не понимали. Исчезли из Лидиной жизни люди, исчезли праздники и гулянки. Осталось только: покормить, переодеть, дать лекарства, вывезти на улицу, упасть ночью в кровать, вспомнить Ивана и рыдать горячими, ненавидящими бывшего мужа слезами. Вспомнить жалкую, слабую улыбку Пети в никуда и опять рыдать. И забыться к утру. Один день как две капли похож на другой. И так будет всегда.

Она даже просто выйти куда-то одна могла очень редко. Когда заходил посидеть с внуком старенький отец, Сергей Семенович. И эти короткие прогулки стали ее отдушиной...

* * *

Шли годы... Отец Лиды совсем состарился, и ему самому нужен был уход. Она взяла его к себе, не могла разрываться на два дома. Теперь у нее на руках было два больных человека.

Петька вырос. Он так же лежал. И так же кормила она его с ложки и меняла памперсы. Только выйти с ним на улицу стало большой проблемой. В их старенькой пятиэтажке не было лифта, а в городке том о пандусах и доступной среде слышали только по телевизору. Инвалидов там видели мало. И многие воспринимали их как заразный для окружающих результат порчи, сглаза и прочих проклятий.

Тяжело было и Сергею Семеновичу. Он почти уже не ходил. И не хотел.

Лида, стиснув зубы, тащила их на себе. То одного, то другого. Мозолистыми, мужскими стали ее руки. А ноги под тяжестью как будто вросли в землю. Она даже уже не плакала. Стала душа выжженной пустыней. Просто несла она на себе этот крест молча, никому не жалуясь. Изо дня в день. Это стало ее обыденностью, ее единственной реальностью. То, от чего сбежал Иван.

Отец жалел ее, как умел. И однажды сделал то, что казалось ему самым лучшим. Выпил горсть таблеток, чтобы уйти и снять с плеч дочери хотя бы одну ношу. Сам он ей помогать уже давно не мог. Лида вовремя заметила, и Сергея Семеновича увезли в больницу. Он поправился.

Там Лиду и встретил отец Евгений. Он пришел причащать какого-то больного. Узнал он ее не сразу, хотя эта женщина показалась ему смутно знакомой. Вспомнил только когда она представилась врачам.

— Лида? Лида, это ты? Ты меня не узнаешь? Я — отец Евгений. Ну, Женька-мент. Ты еще за Иваном приходила. Как он?.. Он про ребенка говорил...

Долго рыдала у него на плече Лида. Впервые за годы она по-настоящему плакала. Этот человек из прошлого всколыхнул в ней все то, о чем она пыталась забыть. Те далекие дни, когда все было легко и радостно, когда не тащила она, а жила и дышала.

Но не только для этого опять привел Господь отца Евгения в ее жизнь. Он привел, чтобы взял этот человек ее за руку и повел в жизнь будущую. Еще здесь, на земле. Я в этом уверена, случайного ведь ничего не бывает. Чтобы задышала опять Лида, чтобы проснулась душа и зажглись глаза.

— Казалось мне тогда, что умерло у нее все внутри, — вспоминал отец Евгений. — Но смотрел я на ее смешной начес, нелепый яркий макияж, который она размазывала по лицу,

безвкусную, павлинью одежду и понимал, что так она цепляется за эту жизнь. Она уже забыла, как это — быть женщиной. Но сквозь боль, сквозь ежедневный надрыв подсознательно прорывалось вот это — девочка, которая хочет быть красивой, хочет нравиться. Вопреки всему. Но не умеет.

Тогда я не поняла этого... Какой марафет, если у тебя больной ребенок? Поняла потом, когда у меня родилась Маша с синдромом Дауна.

* * *

Вначале я очень бурно и болезненно переживала рождение такой дочери. Мне хотелось уйти, убежать, спрятаться от всех. От этой благополучной, счастливой жизни. Жизни других! Которая почему-то не остановилась в немом ужасе, а идет своим чередом. Люди, как и раньше, влюбляются, женятся, обсуждают какую-то ерунду. А меня в этой жизни уже нет...

Сейчас все давно хорошо. Но тогда было так.

А потом мне захотелось дышать. Дышать сквозь ту боль, смеяться сквозь те слезы. Выглядеть так, чтобы на нас смотрели не с жалостью, а с восхищением. Мне хотелось кинуть вызов моей беде. Как мне тогда казалось — беде. И хотелось опять стать частью той, «не моей» счастливой жизни.

Это покажется глупым, но таким частым посетителем салонов красоты, как тогда, я не была больше никогда.

А потом я рыдала... Когда однажды в салоне я попросила все сделать побыстрее и объяснила про Машу, а какая-то посетительница, услышав, сказала:

— Если у вас ребенок-инвалид, нужно расставлять приоритеты.

А я просто хотела быть женщиной, вопреки всему...

Вся эта боль давно уже прошла, и сейчас я очень счастливый человек. Иногда мне кажется — самый счастливый.

Но, дорогая моя Лида, как же я тебя сейчас понимаю... И как же я хочу опять тебя встретить.

И вспоминается мне, что тогда, в трапезной, когда все морщились от твоих глупых шуток и вульгарного вида и я тоже, какая же мольба была в твоих глазах: «Видите, я еще жива!» И ты пыталась быть веселой, смеяться и шутить сквозь нечеловеческую боль.

А еще потрясает меня сейчас, каким же бережным был с ней тогда отец Евгений. Человек с огромным и таким чутким сердцем.

* * *

Лида начала ходить в храм к отцу Евгению. Наряжалась долго и старательно. И остроумцы прозвали ее Лидка-макияж. А батюшка оберегал ее от неосторожных слов и едких замечаний. Скоро все успокоились и привыкли.

Он часто причащает на дому Сергея Семеновича и сына. А иногда их, при помощи прихожан-мужчин, привозят на службу. Батюшка организовал помощь от прихода. Теперь у Лиды дома часто бывают женщины и ухаживают за ее больными. Это уже не первый раз, когда церковь та опекает такие семьи. И ожила она. Ведь человеку так мало надо. Капля любви и внимания. И понимать, что не один он со своей бедой.

А еще на приходе том есть Михаил. Мишка-холостяк. Ему пятьдесят шесть, и он никогда не был женат. Когда-то давно, когда служил он в армии, бросила его невеста. И больше он к женскому полу с романтическими намерениями не приближался.

По профессии Михаил — слесарь, и по просьбе отца Евгения он несколько раз приходил к Лиде домой. Что-то подправить, починить.

А потом начал приходиться и сам. С Петькой помогает, с Сергеем Семеновичем подружился на почве разговоров о рыбалке.

И рассказывает отец Евгений, что меняется рядом с ним Лида. Хлопочет, пытается угостить, смущается. И из усталых

ее глаз проглядывает та самая девочка, которая хочет нравиться. Не всем уже. А только одному.

А Михаил покашливает в кулак и говорит грубовато и деловито:

— Завтра зайду. Раковина вон шатается. Мужика на вас нет...

— Тоже мне хозяин! — с улыбкой хорохорится она.

И видно, что это та самая Лидка — разухабистая и острая на язык.

И хочется мне верить, что к чему-то все это приведет. Что закончится счастливо эта история.

Михаил, конечно, не чета Ивану. Мелкий, щуплый, кажется, что соплей перешибешь. Но ведь не в мышцах мужская сила. Так ведь? А то, что на гармошке не играет... Так это дело наживное.

А отец Евгений, когда я его о Лиде с Михаилом спрашиваю, только улыбается и говорит:

— Оставь это Господу. Он знает, что делает... У Него ошибок не бывает.

Батюшка всегда так говорит.

Как отцу Евгению на спор храм построили

Отцу Евгению отстроили его храм на спор. Была у него и такая история. Тогда его, еще молодого и неопытного священника, назначили настоятелем в бывший клуб. Точнее — в непонятное, полуразрушенное помещение, расписанное по стенам словами из трех букв, «Здесь был Вова» и «Ленин жив!».

Оно и клубом-то было лет десять назад. А теперь из покосившейся крыши торчали молодые деревца, а в развалинах ютились бродячие собаки и играли дети.

Периодически кто-то там травмировался, кто-то ломал ноги, на кого-то падал кирпич. И местные власти с огромным удовольствием передали Церкви этот объект повышенной опасности. Чтобы, с одной стороны, снять с себя ответственность, а с другой — продемонстрировать народу, что они тоже уважают разного рода мистицизм, который в те годы начал входить в моду.

* * *

До отца Евгения пытался обосноваться там отец Владимир. О нем я хочу рассказать отдельно. Приехал он в эти края с Западной Украины и за несколько лет поменял несколько приходо-в. В одном селе не ужился он с местным начальством. Точнее, он-то ужился. Но не срослось у его матушки Софии с женой главы их населенного пункта.

Обе были женщинами сильными, боевыми и властными, любившими почет и уважение. Если честно, то даже отец Владимир побаивался своей громогласной, активной и крупногабаритной супруги, вникающей в любую приходскую мелочь и пытающейся взять под свой контроль все, что можно взять.

Единственным неподвластным ей местом был алтарь, и батюшка отсиживался там время от времени, размышляя о вопросах бытия и превратностях судьбы. И тайно вздыхая о том, что когда-то не прислушался к совету своего духовника и не принял монашество. А матушка всеми способами пыталась его оттуда выманить и дать очередное ценное указание, как лучше наладить их приходские будни. И часто было не понятно, кто из них настоятель — он или она.

Жена сельского головы, в свою очередь, считала себя местной владычицей и также стремилась все контролировать, включая церковную жизнь. То ей хор недостаточно витиевато пел, то не мягки были просфоры, то в трапезной не то подали, то священник не то ей сказал на исповеди.

Когда же матушка София пыталась возразить, Зинаида Степановна (так звали прекрасную половину головы) пренебрежительно от нее отмахивалась:

— Вы идите-идите... Это наше с батюшкой дело.

А потом пеняла прихожанкам:

— Что вы с ней все: «Ах, матушка, матушка...» Она ж просто баба! Такая же, как вон Нюрка-уборщица.

Узнав об этом, матушка София стерпеть уже не смогла.

— С каких это пор мирские духовенству указ?! — наступала она на Зинаиду Степановну.

Ну и слово за слово, на приходе начинали дрожать стены. А отец Владимир с сельским головой старались в эти моменты не попадаться под руку своим благоверным и издалека поглядывали друг на друга с пониманием, сочувствием и явной симпатией.

В итоге двум представительницам прекрасного пола стало слишком тесно в одной местности, и матушка София убедила отца Владимира поговорить с владыкой о переводе на другой приход.

* * *

Старенький владыка Симеон, вздыхая, выслушал батюшку, который, по возможности смягчая, рассказывал обо всех этих злоключениях.

— Да... Женщины, — задумчиво произнес владыка.

Сам-то он монахом был, женщин близко никогда не знал. Но имелась у него младшая родная сестра Галина, семидесяти лет от роду. «Галочка», как называло ее между собой местное духовенство.

Галочка никогда не была замужем, но не очень об этом жалела. Как и владыка Симеон, мирским утехам она предпочитала все духовное. Однако не настолько, чтобы «похоронить» себя в монастыре. В итоге она решила посвятить свою жизнь брату, которого с детства считала тюфяком и рохлей.

«Нашли, кому доверить епархию», — думала она про себя.

Но и гордилась, что братец ее — целый владыка. И уж тут-то она ему поможет. Мало какие важные церковные вопросы решались в тех краях без участия Галочки. Не потому, что владыка Симеон не мог разобраться сам. Он мог. Но по природному своему мягкосердечию сестренку жалел и отстранить от дел не решался.

Галочкиного расположения искали священники и их жены. Ее старомодные седые букли мелькали то на одном приходе, то на другом. Встречали ее не менее торжественно, чем самого владыку. И вместе с милыми подарочками подсовывали и прошения на имя епископа. Знали, что имеет она на брата большое влияние. И в этом влиянии она была весьма настойчива. Хотя иногда и владыка Симеон мог ей свой характер показать. Но это в очень принципиальные моменты.

В общем, вздыхал старенький владыка, то ли вспоминая свою родную Галочку, то ли просто сочувствуя отцу Владимиру с его горячей матушкой. Но в итоге перевод благословил.

А в вечер накануне отъезда собрались тайно от жен отец Владимир с сельским главой. Выпили, повздыхали о своей нелегкой мужской доле, посокрушались, что не сладилось, а ведь все могло бы быть так хорошо и душевно. И крепко обнялись на прощанье.

* * *

На другом приходе по той же самой причине не срослось у матушки Софии с женой местного богатого бизнесмена и благотворителя, на чьи деньги, собственно, и было построено то «сооружение культа». Сам-то бизнесмен был исключительно материалистических взглядов на жизнь. Но вот горячо любимая супруга его неожиданно уверовала и захотела храм. Ни больше ни меньше. Так зарегистрировалась в тех местах община, и появилась маленькая церквушка, в которой на самом деле местное население очень нуждалось. Ближайшая находилась за десятки километров. Ну и направили туда настоятелем отца Владимира.

Беда только, что жена мецената в этом храме ощущала себя полноправной хозяйкой. И власть свою с матушкой Софией, которая сразу не приглянулась ей своей чрезмерной активностью, делить не собиралась.

Тут уже бизнесмен по настоянию своей супруги поехал к владыке Симеону и убедил его, что для их общины больше подойдет монах. Во избежание женской внутривидовой конкуренции.

Старенький владыка опять повздыхал и отправил отца Владимира с его неугомонной супругой в тот самый «клуб», где о назначении здания напоминал лишь крест, воздвигнутый неподалеку, а службы шли под открытым небом. Из прихожан были две-три старушки, которые по причине своей

древности в управлении приходом настоятельнице конкуренцию составить никак не могли.

Но очень скоро матушка стала тяготиться вечным бездельем. И как далеко отправил их многотерпеливый владыка Симеон после очередного прошения, я уже не знаю. А на приход этот благословил он отца Евгения. Тогда еще совсем молодого, служившего всего несколько лет.

* * *

Если честно, тем двум-трем местным бабулькам, составившим приход, их новый настоятель сначала не глянулся. В их представлении настоящий батюшка должен быть голосист, степенен и объемен. А отец Евгений уродился невысоким, шустрым, худосочным и не басовитым. Никакого благолепия, в общем. И матушка его Ирина под стать — мелкая, конопатая, и улыбка до ушей. Недоразумение, а не матушка.

Да и помнили они еще те недалекие времена, когда был он не отцом Евгением, а местным участковым — Женькой-ментом. И как-то не укладывалось у бабушек в их консервативных головах, что тому, кто еще недавно в свисток свистел, «как скаженный», они теперь руку должны целовать.

Рассудили все же бабульки, что, раз один батюшка уже сбежал, Бога гневить и возмущаться не стоит. Мало кто здесь в этом нищем и совершенно «бесперспективном» храме-клубе служить захочет. Так пусть хоть этот худосочный со своею конопатой матушкой остается. Но очень скоро полюбили они своего настоятеля. И каждый день Господа благодарили, что его сюда мудрый владыка Симеон определил, а не кого-то другого.

Уже тогда было видно, что необычный это батюшка. Таких даже среди духовенства редко встретишь. С такой радостной, чистой и искренней верой. И настоящей, евангельской любовью к Богу и людям. Когда смотришь на него и отражение

Христа видишь. Наверное, поэтому тянутся к нему сирые, убогие и обездоленные. Настоящего тепла ищут.

Замазали отец Евгений с матушкой Ириной непотребные надписи на стенах. Иконки кругом развесили. Что могли — своими руками починили. И начались в бывшем клубе службы. Он — в алтаре, она — на клиросе. Двое деток, маленьких тогда еще — на лавках спят. А через какое-то время и народ подтянулся. Молодые пришли. Люди ведь чувствуют, где настоящее. И закипела на «бесперспективном» приходе жизнь.

* * *

Печалило только отца Евгения, что в развалинах этих приходится служить, с прохудившейся крышей. Зимой внутри не теплее, чем на улице. А во время дождя по всему храму ведра расставляли, чтобы вода сверху на пол не капала.

— А однажды случай был, — вспоминал недавно батюшка, — покойничка отпеваю, почти столетнего дедушку. Вокруг родственников скорбящие. Дети, которым самим под семьдесят. Внуки, правнуки. Даже праправнучка одна. И вдруг сверху кирпич летит и прямо дедушке почившему в лоб. Я окаменел сначала, потом прощения стал просить. В такой момент и такая оказия. А родственники: «Ничего-ничего. Главное, что не по нам. А дедуленьке нашему хуже уже не будет. Продолжайте».

В общем, условия невыносимые. Храм отстраивать надо, а денег нет. Прихожане, конечно, помогают, чем могут. Но не богатый городок, всем непросто. А тут еще владыка Симеон в очередной приезд отца Евгения в епархиальное управление пенял по-отцовски:

— Ты, батюшка, молись побольше, не ленись. Будет молитва, и храм у тебя будет.

А отец Евгений и так, единственный из местных священников, каждый день служил. Другие — по воскресеньям да большим праздникам. Все вокруг удивлялись — что за подвижник такой выискался. Вроде не монах, не схимник. Семейный,

Содержание

Отец Евгений и его чада

Лидка-макияж	5
Как отцу Евгению на спор храм построили	14
Где попа заказать? Или как Аллочка Ивановна мужа в храм привела	26
Вовка-хиляк	41
Как Василий нашел свою Асклиподоту	53
Сердце блудницы	71

Из жизни сельского батюшки

Отец Купидон, Володька Поцелуй Смерти и богиня молодости и любви	83
Как коллектор Вася решил стать монахом	98
Диверсант на каблуках	107
Нельзя исправить только смерть	116
Вторая смерть бабушки Фроси	122
Тепло детства	128
Прихожане отца Димитрия и отца Евгения	137
Жизнь и смерть двух уродов	148

Мое неидеальное материнство

Как мы назвали дочку Дунькой	159
Мама на грани нервного срыва	164
Я мечтала об идеальных детях, а дочь оплевала батюшку	174
Я мечтаю стать бабушкой	184
Кровавая история с вареньем и многое другое.	195
Хвалите! Даже если хочется плакать	205
Прости меня, доченька.	209
Я сделала страшную ошибку, велев дочке быть отличницей	213

Новая жизнь

Ее зовут Маша	221
Пятеро одинаково любимых детей	229
Господь хочет, чтобы мы полюбили себя	237
Маленькая история о большом чуде	243
Православие как эффективный менеджмент	247
Встреча в общественном туалете	252
Инвалидность души	258
Наша Маша пошла!	265
«Это не человек, это — овощ».	271

О разном

Крупными буквами «ЛИМФОМА»	279
Маразм, чудеса и Матрона Московская	289
Три чуда о людях	300
Время, когда спадают маски	306
О добрых и вредных бабушках	311
Странная Пасха	326
Отец Лев и бесноватая	334
Кому-то супчик жидковат, кому-то жемчуг маловат	339
Когда медицина бессильна, начинает действовать Бог	348
«Патриарх» баба Феня	355